

Но в этом году все изменилось. В эти дни Чжан Сю тоже был занят, а у остальных не было времени на разговоры, поэтому Тан Чунмин мало что знал о ситуации в деревне, но даже если ему никто не скажет, Тан Чунмин все равно мог догадаться о текущем положении семьи Чжао.

Без Чжао Даху, который был сильным работником, кто будет обрабатывать землю семьи Чжао? Сейчас Чжао Даню был единственным мужчиной в семье Чжао, а Чжао Пинчуань уже уехал в город. Даже если бы он не ленился столько лет, Чжао Даню не смог бы вспахать всю землю, работая с раннего утра до поздней ночи. В этом году Ван Чуньхуа не сможет лениться, разве матриарх Чжао взвалит на себя всю домашнюю работу? Не говоря уже о напряженном сезоне, Тан Чунмин знал от других людей, что Ван Чуньхуа живет уже не так хорошо, как раньше, в семье Чжао. Даже когда маленький ге-эр Чжао Мэй взял на себя многие домашние заботы, старому матриарху Чжао некуда было девать свой гнев, и он каждый день присматривал за Ван Чуньхуа.

Думая о маленьком ге-эре Чжао Мэй, Тан Чунмин мог только сочувственно вздохнуть в своем сердце, но больше он ничего не мог сделать. Это не первый день, когда мужчина в семье Чжао принижает своего ге-эра. Конечно, большинство сельских жителей такие. Ван Чуньхуа был родной матерью Чжао Мэй, но, насколько Мин ге-эр помнил, он никогда не жил хорошей жизнью. Вся хорошая еда доставалась Чжао Дуну, потому что он мальчик, а Чжао Мэй заставляли делать всю работу по дому, в результате чего Чжао Дун был толстым, а Чжао Мэй - худым и маленьким.

Даже Ван Чуньхуа, его собственная мать, не заботился о своем ребенке, поэтому, конечно, Тан Чунмин, посторонний человек, не стал бы ничего делать, иначе, зная характер Ван Чуньхуа, если Тан Чунмин что-то сделает, Ван Чуньхуа присосется к нему, как пиявка, устраивая бесконечный беспорядок.

- Ты еще не знаешь, - сказал Тан Чунмину болтливый ге-эр, - Я только что проходил мимо земель семьи Чжао и видел Ван Чуньхуа в поле, а тетушка Чжао стоял над ним как надсмотрщик... Ай, эта пара действительно заставит смеяться другие семьи.

Он рассказал, какие трюки выдумывает Ван Чуньхуа, чтобы отлынивать от работы, но старый матриарх Чжао ему абсолютно не верит и грозит лишиться еды, если он не выполнит задание. Глаза Тан Чунмина сузились от смеха. Хотя он и разорвал свои связи с семьей Чжао, радость, которую он испытывал, слушая, как эти злодеи терзают друг друга, была неопишуемой.

С улыбкой попрощавшись с ге-эром, Тан Чунмин взял А-Линя за руку и сказал:

- А-Линь, не ходи за мамой, иначе ты можешь столкнуться с плохими людьми, которые будут тебя ругать.

А-Линь, который уже хорошо умел читать лица людей, и чей интеллект со временем вырос еще больше, поднял свое маленькое личико вверх и спросил:

- Ты говоришь о бабушке и дяде?

Тан Чунмин погладил сына по голове, все еще улыбаясь, и сказал:

- Хороший мальчик, это будет между нами, никому не говори.

А-Линь кивнул со знанием дела и серьезно сказал:

- Мама, А-Линь знает, А-Линь не скажет ничего плохого о них на улице, - малыш сжал кулак, хотя они действительно были плохими, не кормили А-Линя, били и ругали А-Линя, издевались над его матерью, его мать все равно сказал, что они старшие, поэтому нельзя плохо о них говорить, но теперь все равно все знают, что они плохие люди.

Когда они прибыли на свое поле, Тан Чунмин попросил трех мужчин и Чжан Сю с Да Мао прекратить работу и прийти на обед. Для того чтобы убедиться, что они хорошо питаются, Тан Чунмин в эти дни много размышлял о еде. Основными блюдами на обед сегодня были большие белые паровые булочки и тушеное мясо с овощами и бобовым творогом. Жирное мясо было маслянистым и аппетитным на вид, оно просто таяло во рту, а жареный бок-чой освежающе хрустел. Была также тушеная жирная колбаса, которую очень вкусно было есть с булочками на пару.

Такого блюда никогда не было на столе ни у одного крестьянина. Даже Дашань был вынужден признать, что стряпня Мин ге-эра была лучше, чем у его собственного супруга.

Да Мао уже приходилось работать в поле вместе со взрослыми. Тан Чунмин был очень расстроен, поэтому он дал каждому из них по два жареных яйца. Да Мао улыбнулся, увидев яйца, и поблагодарил Тан Чунмина. Хотя он устал от работы в поле, он был доволен тем, что мог вкусно поесть. Он также спросил, что делает Эр Мао. Тан Чунмин ответил, что тот следит за домом и пообедает с А-Линем, когда он вернется.

Поблизости были и другие люди, которые приходили, чтобы присоединиться к их обеду. Некоторые были незнакомы с Ли Фэном и Ю Му, но хорошо знали Дашаня. Каждый раз, когда Тан Чунмин открывал принесенную им еду, вокруг распространялся вкусный запах, заставляя других мужчин завидовать и подбегать, чтобы немного попробовать. И сейчас, когда Ю Му открыл стоящую перед ним чашку и взял палочки, мужчины с соседнего поля уже подходили к нему и брали у него еду. Ю Му, крупный мужчина с репутацией свирепого человека, не казался им трудным для сближения, наоборот, они нашли его очень веселым, и с ним было не так уж трудно разговаривать, как с молчаливым Ли Фэном, который выглядел немного угрюмым.

После того, как Тан Чунмин доставил еду в поле, он оставил их есть ее самостоятельно, а сам пошел с А-Линем напоить большого мула водой, подмешав в нее немного воды из пространственного источника: большой мул тяжело работал все утро, и Тан Чунмин решил, что его нужно вознаградить.

Вырастив Сяо Хуа и овец дома, А-Линь очень полюбил домашний скот. Сяо Хуа играл с ним, овцы давали ему вкусное молоко, а большой мул мог отвезти его в окружной город и помочь матери вспахать землю. Мама сказала, что работа мула даст хороший урожай, так что А-Линю не придется голодать в будущем.

А-Линь протянул руку, погладил по голове большого мула и сказал:

- Большой мул, ты хорошо помогаешь дяде работать, и А-Линь оставит тебе хорошую еду на ночь, - вчера он оставил свою долю закусок и сладостей на съедение большому мулу, и Тан Чунмин не остановил его, когда увидел это.

Детские слова - лучший способ заставить людей улыбаться.

Но потом появился кое-кто очень неприятный. Тан Чунмин закончил кормить мула и собирался отвести А-Линя обратно, чтобы забрать чашки и корзину, когда раздался скрипучий голос.

- Эй, ге-эр! Тебе так повезло. Стоит тебе открыть рот, как все спешат помочь тебе вспахать поле. Почему бы тебе также не поговорить с ними и не помочь бабушке и брату? Разве ты не видишь, что бабушка так устал, что вот-вот упадет в обморок?

Тан Чунмин обернулся, чтобы посмотреть. Говорившим бы Ван Чуньхуа, а рядом с ним стоял мрачный и угрюмый матриарх Чжао, чьи глаза смотрели на него так, словно он был их заклятым врагом на протяжении многих поколений, которого он хотел разорвать собственными зубами.

Тан Чунмин поднял брови, но в глубине души у него не было ни капли злости. Он не испытывал никаких чувств к этим людям, поэтому как он мог разозлиться из-за нескольких слов? Только вложив их в свое сердце, он мог обижаться на несправедливое отношение и резкие обвинения. Возможно, Мин ге-эр искренне хотел угодить им ради Чжао Даху, но в глазах Тан Чунмина эти двое были, мягко говоря, просто куском дерьма.

Однако сначала он наклонился и сказал А-Линю, который из-за их присутствия схватился за уголок его одежды:

- А-Линь, будь хорошим мальчиком, иди к тете Сю, Да Мао и дяде Дашаню. Помни, что я тебе говорил.

Только тогда А-Линь отпустил его подол. Уходя, он оглянулся на мать.

Мужчины, вшие на краю поля, тоже перестали пользоваться палочками для еды. Они знали, что эти два ге-эра пришли искать неприятности с братом Мином. Если они захотят подраться или что-то еще, они не могут просто стоять и смотреть. Не говоря уже о Дашане и Ли Фэне, двое других мужчин, по крайней мере, съели еду, приготовленную Тан Чунмином и не могли

просто игнорировать это.

Чжан Сю был еще более прямолинеен. Он тут же отложил чашку и поспешил к Тан Чунмину. Тело Мин ге-эра становилось все тяжелее и тяжелее, он не мог позволить, чтобы с ним что-то случилось, иначе последствия были бы невообразимыми.

Да Мао также последовал за своей матерью. Он не любил семью Чжао так же сильно, как и Эр Мао. Он должен был защитить тетю Мин, несмотря ни на что. Полувзрослый мальчик встал перед Тан Чунмином и пристально смотрел на двух ге-эров.

Уголки губ Тан Чунмина непроизвольно приподнялись. Это был первый раз, когда он видел этих двух людей после того скандала. Честно говоря, он был в очень хорошем настроении, потому что они выставили себя в таком плохом свете. Есть такая поговорка - я с радостью узнаю, что у вас плохие времена. Именно в таком состоянии он сейчас находился.

Матриарх Чжао выглядел уже не так представительно, как раньше, плоть на его лице немного уменьшилась, из-за чего и без того крупные скулы выступали еще больше, к тому же опущенные веки делали лицо зловещим и жестоким.

Тан Чунмин все еще был в хорошем настроении и думал, что это, вероятно, результат его душевной боли из-за серебра, так как Чжао Пинчуань, должно быть, потратил много серебра на свою поездку на экзамен, да и на жизнь в городе ему пришлось потратить немало денег. Матриарх Чжао был не в состоянии найти деньги, так что ему пришлось покопаться в своих старых запасах, а это было равносильно потрошению его сердца и печени. Но он не мог потерять своего третьего сына, поэтому ему оставалось только жалеть себя.

Ван Чуньхуа стал еще более непривлекательным. Он не только сильно похудел по сравнению с прошлым разом, но его волосы были растрепаны, одежда вся пропиталась потом и пылью, на ней даже была грязь от падения на землю.

В прошлом в семье Чжао Ван Чуньхуа всегда приводил себя в порядок, чтобы показать, что он отличается от Мин ге-эра, и подчеркнуть свой статус старшего члена семьи Чжао. Он всегда одевался аккуратно и опрятно, чтобы быть на голову выше Мин ге-эра. Так ему казалось, что он может не отставать от брата Мина и угнетать его с большим комфортом.

Теперь ситуация стала полностью противоположной. Тан Чунмин не только прибавил в весе, на нем была новая куртка из тонкого хлопка, которую сшил для него Чжан Сю. Его хорошо кормила и питала родниковая вода и его кожа также стала намного белее. Он выглядел более чем на десять лет моложе Ван Чуньхуа. От этого глаза Ван Чуньхуа наполнились ревностью. Ему не терпелось расцарапать нежное лицо Тан Чунмина.

- Разве это не твоя вина, что бабушка вот-вот упадет в обморок? - усмехнулся Тан Чунмин, - Брат, разве ты раньше не говорил, что я слишком неуклюжий, чтобы ухаживать за бабушкой? Но теперь ты заботаешься о нем. Когда Даху был здесь, разве матриарх хоть раз выходил на поле? Тц, тц, вы со старшим братом такие неблагодарные, гораздо хуже, чем Даху.

Тан Чунмин умел тыкать людям в сердце. Чем больше они не хотят говорить об этом, тем больше Тан Чунмин напоминал им о том, что они потеряли и кто виноват в сегодняшней ситуации. Конечно, невозможно заставить таких людей признать свои ошибки. Это было сделано лишь для того, чтобы углубить разительный контраст между прошлым и настоящим.

Чжао Даню также медленно подошел к ним, сгорбив спину, он устал, как собака. Когда слова Тан Чунмина дошли до его ушей, ему стало так стыдно, что его лицо покраснело. Когда Чжао Даху был рядом, он был очень удобным человеком. Хотя он, Чжао Даню, тоже работал в поле, он все еще был очень ленив.

С первого дня работы в поле Чжао Даню сожалел, что не остановил свою мать в прошлом году. Он знал, что в то время было опасно идти в горы, но тогда он ничего не сказал, он просто хотел дожидаться своей доли денег и поесть мяса. Но теперь у него проблемы. Теперь он не только остался без мяса, но и вся работа на полях легла на его плечи.

А что насчет Чжао Пинчуаня? Согласится ли мать позволить его хорошему брату работать в поле? Даже если бы Чжао Даню умер на полях, этот день, вероятно, никогда не настанет. Он уже давно осознал пристрастность своей матери.

- Почему ты, посторонний человек, должен мне указывать, как мне заботиться о своей матери? Теперь, когда третьего брата нет дома, мы с Даню кормим и одеваем маму. Ты – проклятая звезда неудачи! Ты скорее дашь кусок мяса постороннему человеку, чем своей матери! Бог наблюдает за тобой, неблагодарный ублюдок!

Ван Чуньхуа был настолько раздражен, что выкрикнул свои резкие слова, не задумываясь. Особенно его разозлил запах мяса, от которого у него покраснели глаза. В такое напряженное для сельского хозяйства время старый матриарх Чжао даже не потрудился купить им кусок мяса.

- Посторонний человек? - фыркнул Тан Чунмин, - Разве не ты сказал, что я посторонний человек? Тогда почему я, посторонний человек, должен слушаться бабушку и приносить ему мясо? Разве не вы, его близкие, должны слушаться бабушку и приносить ему мясо?

- Это правда, - поддержал его Чжан Сю, - Брат Мин теперь ведет самостоятельное хозяйство, для вас он чужой. Ваша семья даже забрала обратно два му рисовых поля, которые были первоначально распределены им с Даху. В чем дело? Ты все еще хочешь полагаться на брата Мина, чтобы содержать свою семью?

Это действительно было неловко. В прошлом Тан Чунмин показывал всем бухгалтерскую книгу и прямо, и косвенно говорил, что всю семью Чжао содержал один Чжао Даху. Теперь, если они попросят брата Мина поддержать их семью, репутацию семьи Чжао можно выбросить в сточную канаву.

В середине дня на поле было много людей, с интересом наблюдающих за шоу. Все любят поесть вкусной еды и посмотреть на чужие разборки. Конечно, были и те, кто закончил свой

обед и отдыхал. Здесь на холме уже собралось много людей и все они слышали эти слова. Некоторые из них просто разразились смехом, другие говорили:

- Этот Ван Чуньхуа, который жаждет мяса, он так похудел за последние несколько дней. Это все из-за отсутствия мяса. Теперь, когда он увидел большой кусок мяса, который брат Мин доставил на поле, Ван Чуньхуа захотел взять его себе.

Никто бы не поверил в то, что семья Чжао не могла съесть и глотка мяса. Одна из причина отказа от употребления мяса заключалась в том, что старый матриарх Чжао был очень скуп. Он не мог позволить себе потратить ни одной монеты на еду. Во-вторых, потому что все деньги были потрачены на еду и одежду для Чжао Пинчуаня.

<http://bllate.org/book/13611/1207216>